

**Коч Н. В.**

Николаевский национальный университет имени В. А. Сухомлинского

## **КОНЦЕПТ «ЗАВИСТЬ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (АНТРОПОЦЕТРИЗМ БАЗОВЫХ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ: ОТ ВНЕШНЕГО К ВНУТРЕННЕМУ)**

*Стаття присвячена вербальній об'єктивації семантичного обсягу концепту «зздрість» в східнослов'янських лінгвокультурах XI–XVII ст. (на матеріалі пам'яток східнослов'янської писемності). Обширне номінативне поле слів із коренями завид- і заздр- в досліджуваних контекстах є результатом відображення в колективній свідомості (насамперед, через антропоморфний код) уявлення про складний емоційний стан, що має безпосереднє відношення до морально-етичних догм середньовічного суспільства. Дефініційна семантика лексем, що вербалізують концепт «зздрість», презентує як інтегральні, так і диференціальні смисли, що вказують на зв'язок цього концепту з поняттями «ненависть», «жадібність», «скупість», «ревності» та супутніми їм негативними емоційними станами. Приклади із історичних тлумачних словників, в яких ідея зздрості реалізована за допомогою численного ряду іменників, прикметників, дієслів, дієприслівників, дієприкметників як полісемантів, свідчать про значущість концепту «зздрість» в східнослов'янських лінгвокультурах. На відміну від сучасного уявлення зздрості як негативного почуття, що засуджується в соціумі (за даними лексикографічних джерел), дія «зздрити» в досліджуваній період містить смисли, які включають позитивні модальні компоненти, зумовлені нечіткою диференціацією полісемантичного поля ключових номінацій концепту зі значеннями «наслідувати», «успадковувати», «виконувати із завзяттям» тощо, що дозволяє говорити про мотивуючу функцію зздрості в процесі еволюції взагалі та особистісного розвитку зокрема. Дослідження емоційного концепта «зздрість» як омовленого психологічного та соціального феномена в контексті культурологічних категорій дозволяє зробити узагальнення, що стосуються порівняльного аналізу аксіологічних систем.*

**Ключові слова:** лінгвокультура, концепт «зздрість», східнослов'янські пам'ятки писемності, антропоцентричний код, лексикографічні джерела.

**Постановка проблеми.** Рациональное осмысление феномена зависти в научной литературе дает все основания трактовать его как чувство деструктивное и аморальное (И. Кант, М. Кляйн, П. Куттер, С. Л. Рубинштейн, А. Смит и др.). Детальный обзор работ, исследующих феномен зависти в философском, психологическом, социальном, культурологическом, литературно-художественном, лингвистическом и других аспектах, дан, например, в известной монографии немецкого социолога Гельмута Шёка «Зависть: теория социального поведения» [5]. Рассматривая зависть как мотив социального поведения, Г. Шёк полагает, что это чувство, связанное с возникновением политической идеи всеобщего равенства, является серьезным препятствием экономического развития стран. Несомненно, эту точку зрения можно оспорить, рассмотрев институционализированную и личностную зависть как двигатель прогресса. При этом стоит привлечь данные

экономического роста ряда стран с ориентацией на социальное равенство, а также примеры личностного роста, мотивированные завистью к другим людям. Однако лингвистический ракурс проблемы побуждает нас отыскать подтверждение или опровержение этой мысли в лингвистических источниках, в частности в текстах памятников восточнославянской письменности.

**Анализ последних исследований и публикаций.** Концепт «зависть», трактующийся лингвистами как эмоциональный концепт (см. работы Е. Ю. Бульгиной, С. Г. Воркачева, И. А. Колтуцкой, И. В. Несветаевой, Е. Е. Стефанского, Т. А. Трипольской и др.) [1; 2; 4], является сложным психологическим и одновременно социальным конструктом сознания, который переживается (реже рационализируется) человеком как негативное эмоциональное состояние, связанное с мучительным желанием владеть чем-то (или кем-то, и тогда это называется ревностью) и часто

сопровождается рядом иных негативных чувств: злобы, ненависти, раздражения и т. п. Такое, с точки зрения морали, антисоциальное поведение имеет свои первопричины, объяснение которых кроется, прежде всего, в антропоморфном коде.

Как правило, концепт «зависть» трактуется в связи с социально-психологическими характеристиками человека, определяющими его морально-этический модус бытия. Негативность и деструктивность зависти не вызывает сомнения в связи с ее тесной концептуализацией с такими разрушающими чувствами и сопровождающими их сильными эмоциями, как ревность, гнев, злоба и пр. Ряд лингвистических исследований посвящен изучению лексических средств вербализации соответствующих понятий в разных языках на лексикографическом и текстовом материале. Так, например, Е. Е. Стефанский, анализируя негативные эмоции (в частности, зависть) в чешской, польской и русской языковых картинах мира, подчеркивает принципиальное различие в их проявлении: в западнославянских лингвокультурах выражение большинства эмоций связано с доминированием личностного начала, в русской – коллективных установок. Следовательно, идея индивидуализма или коллективизма определяет характер формирования эмоциональной концептосферы в национальной культуре [4].

С рассуждениями Е. Е. Стефанского созвучны выводы нашего исследования, посвященного анализу морально-этических категорий «гордыня» и «гордость» как маркеров коллективистского типа восточнославянских культур. Данные концепты, предполагающие переживание эмоций различного характера, непосредственно связаны с двумя противоположными культурными моделями – индивидуалистской и коллективистской [3, с. 62–69]. В связи с этим логично предположить, что рассмотрение эмоций, в частности зависти, в контексте культурологических категорий позволит сделать обобщения, касающиеся сравнительного анализа различных аксиологических систем. Так, в западноевропейских «культурах вины» и восточноевропейских «культурах стыда» (термины Р. Бенедикт), безусловно, зависть, актуализирующаяся в соответствующих социумах, будет иметь как универсальные, так и специфические проявления, объективированные в языке (ср. концептуально связанные с эмоцией зависти слова: др.-р., ст.-р. *зазретися* «устыдиться», *зазрительно* «предосудительно, стыдно», *ззорство* «предосудительное, постыдное в поведении», *зазрение* «порицание, осуждение, стыд», *зазрети* «поза-

видовать, осудить, укорить, поставить в вину» – СлРЯ V, с. 197–200).

Интерес лингвистов вызывают связи понятия «зависть» с концептами «жадность» (В. А. Кравченко, 1989), «совесть» (О. П. Ермакова, 2000), «радость» (И. А. Колтуцкая, 2014), «ненависть» (Е. Ю. Булыгина, 2015). Наиболее исследованными на сегодня являются точки семантического пересечения эмоциональных концептов «зависть» и «ревность». Так, С. Г. Воркачев анализирует эти концепты как моральные категории естественного языка (1998), Л. Николаенко интерпретирует их на материале толковых словарей украинского, русского и польского языков (2009), И. В. Несветайлова – на примере английских и русских паремий (2009), Е. Ю. Булыгина и Т. А. Трипольская детально описывают содержание данных эмотивов в славянских и романо-германских языках (2015).

**Цель исследования.** Целью нашего исследования является вербальная объективация семантического объема концепта «зависть» в восточнославянских лингвокультурах (на материале памятников восточнославянской письменности XI–XVII вв.). Необходимость диахронического подхода обусловлена гипотезой: семантический объем понятия «зависть» менялся на протяжении истории; существенные трансформации смыслов концепта связаны с рядом факторов, определяющих специфику осмысления зависти в исследуемый период.

**Изложение основного материала.** Антропоцентризм как базовый принцип познания действительности и осмысления личностного опыта играет большую роль в осознания (по сути, метафорического) понятий, в частности чувственных, эмоциональных, через первичный телесный код. Содержание и функциональность такого кода определяется с помощью установления характера его корреляции с абстрактными понятиями. Имя, эманулирующее смысл понятия, несет в себе важную информацию о его семантических составляющих, а также исходном основании его ключевого названия. Дополнительные сведения содержат контексты, в которых так или иначе проявляется интенционал соответствующего концепта. Выборка таких контекстов из исторических толковых словарей («Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» (далее – СлДРЯ), «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (далее – СлРЯ), «Исторического словаря белорусского языка» (далее – ГСБМ), «Словника староукраїнської мови XIV–XV ст.» (далее – ССУМ) позволяет с большой

степеню об'єктивності провести дослідження різного роду концептів в діахронії, в частині концепта «зависть».

Дослідження семантики ключових номінацій концепта передполагає, перше все, їх етимологічний аналіз. Етимологія слова *завидовати* латинського походження (лат. *invidēō, invidia*) вивчена лінгвістами достатньо добре (см. статті Е. Ю. Бульгиної, І. В. Несветаїлової та др.). *Завидовати* (укр. *заздрити*, блр. *зайздроеціць*) в значенні «іспитувати переживати почуття недоброжелателства і нерасположення к кому-л., питаєме превосходством, преуспеваaniem кого-л.» по даним «Історико-етимологічного словаря сучасного російського мови» відомо в давньоросійській мові з XI в. (ІЕССРЯ I, 313). Др.-рус. глагольна форма *завидети*, первоначально означаюча «видеть издали», «начать видеть», «засмотреться», в дальнєйшєм подвергается семантичєской трансформации, приобретає негативную коннотацию. Как полагают етимологи, закрєпившееся в сознании значение «смотреть недоброжелательно, зло», объясняется верой в «дурной» глаз (сглаз). Функционирующие в давньоросійській і староросійській мові слова с корнем *зир-* (*зор-*), кроме семантики визуальной сенсорики (видеть, смотреть), имели значения, свидетельствующие в пользу этого предположения: *зазиране* «порицание, укоризна», *ззорство* «что-л. предосудительное, постыдное в поведении», *зазиратель*, *ззорникъ* «тот, кто порицает, упрекает, осуждает, презирает», «завистник», *ззорчивый* «склонный к осуждению, порицанию», *зазрение* «порицание, осуждение, стыд», *зазрети* «позавидовать, осудить, укорить, поставить в вину» (СлРЯ V, с. 197–200).

На тождественность исходного представления о чувстве зависти в славянских лингвокультурах указывает употребление латинизма *завидовати* в известном значении в болгарском (*завиждам*), сербо-хорватском (*závideti*), словенском (*zavidat*), словацком (*zavidiet*), чешском (*záviděti*), верхне-лужицком (*zawidźeć*) и нижне-лужицком (*zawiześ*) языках. Украинское *заздрити*, белорусское *зайздроеціць*, польское *zazdrościć* от глагола *здриць* (*зриць* < \**zbrěti*) также отсылает нас к семантике зрительного восприятия. В связи с этим интересно замечание З. Кемпфа об активной и пассивной энергетике корней \**zbr-* и \**vido-* [6] (возникает закономерный вопрос: не проявляется ли зависть более активно в культурах, где концепт номинирован словами с корнем \**zbr-*?).

Связь зависти с визуальной сенсорикой (в частности поверьем о недобром оке) прослеживается в самых ранних памятниках письменности: др.-р. *Око лукаво завидливо о хлебе. и скоудьно на тряпезе своеи* (Изборник 1076 г., 165–165 об.). Ветхозаветные тексты, дидактические сборники и другие источники связывают поверье о недобром глазе с лукавством (ложью), злобой, самим дьяволом: *Лукавъ естъ завидяи оком* (Сирах 14, 8; Библия. Генн. 1499 г.); *Многопитание оуч(ин)ение юсть злыхъ недоугъ и завистень и злонравень что человеке чюжего зла скоро зъриши а свое презриши* (Пч. к. XIV, 67); *не терпите древнии супостатъ человеческого рода, очима завистными зрящее* (Курб. Ист., XVII в. ~ XVI в., 333) (СлДРЯ III, с. 285; СлРЯ V, с. 151).

В тексте «Похвального слова Михаилу и Федору Черниговским» славянского книжника Льва Филолога (Черноризца) находим подробное описание психологического и физического состояния завистника: *Что убо завистливый? ... Не всегда ли ему сердце истаиваемо и измаждаема внутренья? Иных честь свою беду нещует*. Внешнее выражение негативной эмоции – следствие зрительного восприятия объекта зависти: *И егда радующаяся узритъ кого тый, тогда въсплачетъ. И наслажающаяся иногo видевъ, въ горести и скръби тогда душу свою озобляеть...* Внутренние переживания имеют специфические телесные проявления: *...весь печалию плененъ, съ всем исчезаетъ, от всех снѣдается сердцемъ; посупленъ обычаемъ, присно сетуя, ему же и кости засышут, и образъ изменяем, и лице помрачаемо завистною горестию. Когда снѣдъ въ здравие ему будетъ? Когда ли поспитъ въ сладость? Како възвеселится когда, страху того душу, яко зелней бури, въльнующе? Прже смерти мертвъ естъ и пржеде вечныя муки присно завистию мучимъ окаанный!* (СлФил XVI в. // Усп. список сентябрьской Миней – ГИМ, Синод. собр., № 986 (784), лл. 601–602). Психические мучения завистливого человека (снѣдается сердце, страх волнует душу, подобно буре) отпечатываются на его внешнем облике (посуплен, мрачен, плачет, усыхают кости) и выражаются в деструктивном поведении (не ест, не спит, не веселится). Сенсорика стеснения (*печалию пленен*), психологического дискомфорта (*снѣдается сердцем*) передается с помощью сензитивно-антропоморфной метафоры. Сравним также: ст.-блр. *зазаростью незбожникове палаючи, анне поглядали на добрый а милосердный оучинокъ* (Калист. I, 125); *гневливый тежъ естъ*

и *зазросливый*, и *пожадливостью* *запалается* (ГСБМ X, с. 214). Зависть сродни горячке, на что указывает одно из значений слова *завида* – «воспаление» (...*да побьетъ тя господь... и огньмъ и зимою и завидою* – Пал 1406, 153в), а также устойчивое метафорическое выражение *зависть огня* (СлДРЯ III, с. 285; СлРЯ V, с. 152).

Кроме визуальных проявлений, зависть имеет аудиальное выражение: ст.-блр. ...*кто тое славы, хто тыхъ похвалъ, имъ, от него приданыхъ зазросьтныимъ языкомъ своимъ оувлачати имъ се важить, тотъ на зъедене огню вечному себе готуетъ* (Карп., 276) (ГСБМ X, с. 216).

Зависть к ближнему, восходящая к ветхозаветной истории убийства Каином брата Авеля (и *завидевъ* [Каин] *оуби брата своего Авеля* (ГА XIII–XIV, 154 г.), осуждается и церковью, и в миру. Завистники «жизни вечной не наследят»: [рекут пророки] *въздасть комуждо по делом его. ы се буди ведом завидливый человекъ* (ЗЦ. к. XIV, 90г). Мысль о том, что человек по природе своей завистлив и потому зависть к себе подобным неизбежна, неприемлема в обществе людей, создавших морально-этическую систему, отвергающую это чувство. Церковь приходит на помощь человеку, частично снимая с него ответственность за переживание зависти. Поэтому в культуре формируется (сродни одному из защитных механизмов психики – проекции) убеждение в том, что зависть (как и другие аморальные чувства и действия – злоба, ложь, блуд, вражда, убийство и пр.) – от дьявола: др.-р. *дьяволя моудрования. юже юсть любодаяние. нечистота. идолослужение. вражды. рвеня. завиды. ярости. въздържаня. клеветы* (СбТр XIII/XIII, 101); ст.-блр. [дьявол научил] *братоубийству, блужению, зависти и лжи* (Чэця, 251б); ...*завистию дьяволкою ... всчалоя было въ церкви Христовой* (АЗР IV, 142, 1596 г.) (СлДРЯ III, с. 285; ГСБМ X, с. 126).

К сожалению, небольшое количество фиксации слова *зазреть* (глагол *зазрети*) в украинской деловой письменности XV в. (по данным ССУМ I, с. 375) не позволяет сделать выводы о контекстуальных предпочтениях соответствующего концепта: *А коли(ж) оу жалобах оу праведлива(г) соуд не неть гневъ имесца имеесть ани зазреть помьсты ани теж боязнь о правдоу имеесть соуд каковог имети в роуце а бога пред очима а сказания бы чиниль справедливо* (ВС 33 зв. XV в.); *а противоу раде кролевства нашего Братьскоую приязнь которои они зазрят хотели бы зроушити а розорвати* (ЛКБВ, Брест Куявський, 1447–1492).

Кроме трактования поведения завистника через определения *завидливый*, *завидивый*, *завистный*, *завистивый* в значении «тот, кто завидует кому-то или чему-то» (что совпадает с дефиниционной семантикой современных укр. *заздрісний*, рус. *завистливый*), *завистливым* (ст.-р.), *зазросливым* (ст.-блр.) (*завистником*, *завидником*) в исследуемую эпоху назывался жадный, скупой человек: ...*нравомъ завидливы, вино пють с водою смешавъ, и жены ихъ такожде сосуды имеютъ скудные* (Козм., 289. 1670 г.); *гневливый тежъ есть и зазросливый, и пожадливостью запалается* (Варл. – ГСБМ X, с. 214) (ср. *завидовати* «жалеть чего-л. для другого, не желать чем-л. делиться с другим», *зависть* «скудость»: *Но гордость, неверие, ненависть и зависть принуждали тя со мною къ дереву идти, начая, яко богъ овоу того тебе завидуетъ* (Адам, 263. 1675 г.); *зависти ради лишаемъ бельцовъ отъ брашна своего лучшаго* (Вал. XVII в. ~ XVI в., 15) (СлРЯ V, с. 150–152). Устойчивое выражение *без зависти* в значении «щедро» зафиксировано в памятнике письменности XII в. «Слове святого Ипполита об антихристе»: ...*поведая бе-зависти и инехъ учить*.

Прилагательные *завидный*, *завистный*, *завидимый* активно функционируют в анализируемых текстах со значением, имеющем положительную коннотацию – «очень хороший, завидный», «достойный зависти, такой, которому завидуют»: *не дано имъ разумети нашу новую благодать; и имъ наше ничтоже завидно есть...* (Беседа Вал., XVII в. ~ XVI в., 14); ...*железо зело завидно* (Петр, II, 470. 1703 г.); ...*завистну быти граду тому прорече* (Хроногр., 1512 г., 225) (СлРЯ V, с. 150–151). В церковной литературе говорится о *завистной милости* господя, где прилагательное *завистный* употреблено в значении «горячий, пламенный», определяющим высшую степень проявления божьей милости: ст.-блр. *Завистна милость господя сильного учинит то* (Библия, 508); *ямъ есть господь богъ твои мощны завистны в милости* (Выкл., 129) (ГСБМ X, с. 126).

Модель поведения завистливого человека в средневековом обществе сводится не только к переживанию негативных эмоций по отношению к другим людям, но и к активному действию, связанному с усердным (ревностным) наследованием добрым делам, христианским заповедям и т. п. Анализ контекстов древнерусской литературы, в которых функционирует субстантив *зависть* (др.-р. *завида*, *зависть*, *завистиѣ*, *завиденые*, *ззор*) и его многочисленные производные, свидетельствует об использовании таких форм не только в значении «желать того, что имеет другой, испытывая

недобрые чувства», но и с семантикой «активное наследование», например, *завидети* «подражать; усердно следовать кому-л.», *зависть* «рвение, усердие»: *завиди же добрым, злым же не завиди* (ГБ XIV, 81а), *нестеръ исполнися божествьныя зависти* (ПрЛ XIII, 61г). Феодор Студит проповедует: *не ревнуимъ лукавствующимъ ни завидимъ* [не подражаем] *же творящимъ беззаконье* (ФСт XIV, 202 г.) (СлДРЯ III, с. 285 и сл.; СлРЯ V, с. 150–152).

Имплицитно скрытые смыслы, противоположные концепту «зависть», содержит семантика слов *незавидно*, *независтно*, *независтне*, *незавидный*, *независтный*, *независть*. Кроме отсутствия соперничества, недоброжелательства и ревности – основных составляющих зависти, независть предполагает изобилие божьей благодати, касающейся здоровья и материального благополучия: *...подаши ми независтну благодать твоих похвал, богамудре* (Мин. ноябрь, 440. 1097 г.); *мнозиш недужнии независтно здравие приемлють* (Пр. Уст. ч., 133, XVII в.) (СлРЯ XI, с. 115).

**Выводы и предложения.** Итак, обширное номинативное поле слов с корнями *завид-* и *заздр-* в исследуемых памятниках восточнославянской письменности являются результатом отражения в коллективном сознании (прежде всего, через антропоморфный код) представления о сложном эмоциональном состоянии, имеющем непосредственное отношение к морально-этическим догмам

средневекового общества. Дефиниционная семантика лексем, вербализирующих концепт «зависть» в лингвокультурах, презентует как интегральные, так и дифференциальные смыслы, указывающие на связь данного концепта с понятиями «ненависть», «жадность», «скупость», «ревность» и пр. и сопутствующими им негативными эмоциональными состояниями. Контексты примеров из исторических толковых словарей, в которых идея зависти реализована с помощью многочисленного ряда субстантивов, прилагательных, глаголов, деепричастий, причастий как полисемантов, свидетельствует о значимости концепта «зависть» в восточнославянских лингвокультурах. В отличие от современного представления зависти как негативного чувства, осуждаемого в социуме (по данным лексикографических источников), действие «завидовать» в исследуемый период содержит смыслы, включающие позитивные модальные компоненты, обусловленные нечетким дифференцированием полисемантического поля ключевых номинаций концепта со значениями «подражать», «наследовать», «выполнять с рвением» и т. п., что дает основания говорить о мотивирующей функции зависти в процессе эволюции вообще и личностного развития в частности. Перспективой исследований такого рода могут стать научные работы, посвященные концептуальному анализу понятия «зависть» в древних мировых лингвокультурах в сравнительном аспекте.

#### Список литературы:

1. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках. *Русин.* 2015. № 3(41). С. 191–209.
2. Воркачѳ С. Г. Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке. *Известия АН. Серия литературы и языка.* 1998. Т. 57, № 3. С. 39–45.
3. Коч Н. В. Роль базових лінгвокультурних концептів давньоруської християнської аксіології у становленні колективістського типу культури. *Нова філологія. Зб. наук. праць.* Запоріжжя : ЗНУ, 2014. № 62. 240 с. С. 62–69.
4. Стефанский Е. Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара : СГА, 2008. 302 с.
5. Шѳк Г. Зависть: теория социального поведения. Москва : ИРИСЭН, 2010. 544 с.
6. Kempf Z. Zawiść i zazdrość. *Język Polski.* 1981. № 3-5. S. 175–179. S. 177.

#### Список источников:

1. Гістарычны слоўнік беларускай мовы (ГСБМ). Вып. 10 / [рэд. А. М. Булыка]. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 287 с.
2. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. (ИЭССРЯ) / П. Я. Черных. М. : Русский язык–Медиа, 2007. Т. I. 621 с.
3. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (СлДРЯ): В 10 т. / [гл. ред. Р. И. Аванесов]. М. : Русский язык, 1989–1990. т. II. 493 с.; т. III. 511 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ) / [гл. ред. Р. И. Аванесов]. М. : Наука, 1978–1986. Вып. 5. 392 с.; Вып. 11. 456 с.
5. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. (ССУМ): В 2 т. т. I [за ред. Л. Л. Гумецької, І. М. Керницького]. К. : Наукова думка, 1977. 630 с.

**Koch N. V. THE CONCEPT OF “ENVY” IN EAST SLAVIC LINGUOCULTURES  
(ANTHROPOCETRISM OF BASIC FEELINGS AND EMOTIONS:  
FROM EXTERNAL TO INTERNAL)**

*The article is devoted to the verbal objectification of the semantic scope of the concept of “envy” in East Slavic linguistic cultures up to the seventeenth century. (on the material of East Slavic writing monuments of the XI–XVII centuries). The wide nominative field of words with the roots of envy and envy in the studied monuments of East Slavic writing is the result of reflection in the collective consciousness (primarily through the anthropomorphic code) of the idea of a complex emotional state directly related to the moral and ethical dogmas of the medieval society. The definitive semantics of lexemes that verbalize the concept of “envy” presents both integral and differential meanings, which indicate the connection of this concept with the concepts of “hatred”, “greed”, “stinginess”, “jealousy” and others. and accompanying negative emotional states. Contexts of examples from historical dictionaries, in which the idea of envy is realized with the help of numerous nouns, adjectives, verbs, adverbs, adjectives as polysemants, which indicates the importance of the concept of “envy” in East Slavic linguistic cultures. In contrast to the modern notion of envy as a negative feeling condemned in society (according to lexicographic sources), the action “envy” in the study period contains meanings that include positive modal components due to fuzzy differentiation of the polysemic field of key concept nominations with “inheritance” meanings, “inherit”, “perform with zeal”, etc., which gives grounds to talk about the motivating function of envy in the process of evolution in general and personal development in particular. The study of the emotional concept of “envy” as a considered psychological and social phenomenon in the context of cultural categories allows making generalizations concerning the comparative analysis of axiological systems.*

**Key words:** linguistic culture, concept of “envy”, East Slavic monuments of writing, anthropocentric code, lexicographic sources.